

7. Составлено по: Н–н. М. Статистические данные о площадях посева и урожае хлебов в Ирбитском уезде Пермской губернии за 25 лет с 1870 по 1894 год // Сборник Пермского земства 1898 год. № 5. Отд. 3. Пермь, 1898. С. 49; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Урожай 1895 года. Пермь, 1895. С. 70-71 (Прил.); Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1897 года. Пермь, 1898. С. 88-89 (Прил.); Обзор Пермской губернии за 1898 год. Пермь, 1899. С. 82-83 (Прил.); Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1899 года. Пермь, 1901. 118-119 (Прил.); Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Т. 1. 1900-1928 гг. Екатеринбург, 2000, С. 77, 88; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1902 года. Пермь, 1903. С. 68-69 (Прил.); Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1903 года. Пермь, 1904. С. 68-69 (Прил.); Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1904 года. Пермь, 1905. С. 54-55 (Прил.); Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1905 года. Пермь, 1906. С. 54-55 (Прил.); Еремин А.С. Ирбитская деревня... С. 15.
8. Свавицкий Н.А., Свавицкая З.А. Земские подворные переписи 1880—1913. Поуездные итоги. М., 1926. С. 136.; ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 162. Л. 1 об.
9. ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 54. Л. 2 об.-3.
10. ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 45. Л. 1 об.; Д. 162. Л. 2.
11. Кирсанов Д. И. Земская ферма в условиях сельскохозяйственной деятельности в Ирбитском уезд // Сборник Пермского земства 1896. № 4. Отд. 3. Пермь, 1896. С. 56.
12. Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1902 года. С. 30.

**Романов А.П.
(Челябинск)**

**Педагогические новации сельских учителей
и крестьянские традиции (по материалам начала XX в.)**

Попадая в непривычную среду, учителя стремились рассказать о деревенских обычаях. Первое, с чем сталкивались они, принимая детей в школу, это крестьянские подношения. Богатые несли чай, бедные – пироги и яйца, «задабривая» учителей, для того чтобы обеспечить попадание своих детей в школу. В условиях недостатка мест школах, это казалось крестьянам эффективной тактикой. Наиболее богатые крестьяне (торговцы, кулаки) жаловали деньги на училищные нужды, подчеркивая этим даром свой социальный статус

в деревне и претендуя на особенное отношение к своим детям в школе, что, как правило, не нравилось педагогам (1).

Даже учителя-выходцы из крестьян рассуждали о первобытности многих крестьянских представлений. Образ жизни крестьян, востребованные типом хозяйства культурные навыки, не казались многим учителям цивилизованными. Поэтому, рассказывая о том, какие дети приходили в школу, учителя удивлялись тому, что они не знали самых «элементарных» вещей. По крайней мере, две трети вновь поступивших учеников могли сообщить только свое уменьшительное имя, а не крещеное, фамилий не знал почти никто, а многие не знали имен своих отцов, не знали правой и левой руки, не определяли где верх, а где низ. Бог для них был равнозначен иконе, вместо молитв «бессмысленно бормотали господи сусе» (2). На вопрос: «Какой веры твои родители?», – большинство отвечали – «не знаю» (3). Один из учителей в своих воспоминаниях задается вопросом: почему родители не могут научить детей ничему «полезному»? (4). Дети при поступлении в школу не могли сосчитать количество пальцев на руке, многие не знали, как звали отца, мать, а бабушку и бабушку почти все поголовно. Еще одного педагога Г. Мечева волновало то, что в его школе крестьянские дети не умели правильно креститься, не знали правил перстосложения и самых общеупотребительных молитв (5). При этом учитель не спрашивает себя, зачем в деревне было все это знать, в повседневной сельской жизни, очевидно можно было обходиться и без таких «полезных знаний». В данном случае уместно поставить проблему крестьянской религиозности и ее отличий от церковных норм.

Имела свои особенности картина, представавшая перед учителями в тех случаях, когда школа нового типа организовывалась в тех местностях, где уже существовало традиционное для быта сельской России обучение в «вольной» школе грамоты. «Ребята шли в школу охотно, раньше в деревне работали доморощенные педагоги. Один учитель, пришлый солдат, брал с ученика 1-2 рубля и по очереди имел стол и угол во всей деревне» (6). Учитель жил по три дня в каждой избе и таким образом проводил учебный сезон. Главным инструментом отставного солдата была плетень, которая обеспечивала уважение к «науке» и страх перед учителем, необходимый с точки зрения крестьян для того, чтобы ученики с успехом учились. Приводя детей в школу, крестьяне очень часто говорили: «Ты уж его плеткой стегай почаще, али за волоски трепи, чтобы он лучше в толк брал

ученье; мы ему дома-то не потакаем, их так-то без битья-то не выучишь» (7). Другая доморощенная учительница, представлявшая традиционный способ обучения, была крестьянкой из грамотной семьи, где грамотность передавалась по наследству. Умела читать, но писать не умела. В результате их деятельности в деревне было несколько грамотных мужиков, которые поддержали затею с организацией «правильной» школы.

В деревне попадались крестьяне, одержимые страстным желанием выучиться грамоте. Учитель Дмитриев рассказывал о своем школьном стороже Дмитрие, который хотел стать учителем и поэтому пошел в школу сторожем, чтобы быть «при книге». В деревне за такое странное желание над ним посмеивались, отец Дмитрия был человеком «старой закалки», попрекал сына грамотностью, возможно усматривая в грамотности угрозу для будущего семейного хозяйства, женил сына, не спросив его мнения, для того чтобы в доме была работница и, надеясь, что семейная жизнь «образумит» его. Если принимать во внимание желание Дмитрия учительствовать, попреки его отца не кажутся такими уж безосновательными. Ясно, что, став учителем, Дмитрий не смог бы полностью посвятить себя хозяйству.

Крестьянские сетования о недобрых переменах, происходивших в повседневной практике общения молодежи, определенно показывают наличие конфликта поколений в деревне: «Парни спинжаки какие-то надели, а что на девках, и назвать то не умею. А опять песни. У нас все пели в ноту, идет плавно» (8). Старики говорили о том, что настало время многих соблазнов, народ измельчал, силы против прежнего втрое не стало. Парень, выучившись грамоте, первым делом берется за песенник, а не за божественную книгу. Сельскохозяйственные нововведения, вносимые в обиход крестьянской жизни – «плужок да железная борода, клевер для корма скоту», – осуждались: «что ты нам своими плужками в нос тычешь? От твоих новшеств скоро земля родить перестанет, от них ведь она матушка холодеет». Эти перемены прямо связывались в крестьянском сознании со школой, поэтому ожидаемый от них негативный эффект также переносился и на школу.

Можно привести и другие примеры подозрительного и неодобрительного отношения крестьян к новому для них явлению – стационарной школе и учителю-профессионалу. Бывший педагог Вересов вспоминал о том, как в родной деревне его провожали в учительскую семинарию: «Соседки нанесли мне вареных яиц,

пирогов, плакали, как будто бы меня отправляют в солдаты или навеки расставались со мной. Соседи замечали, что зря уходит из деревни, парень смысленный, в деревне есть у чего жить, а что в чужих краях (54 версты) случится – неизвестно» (9).

Особенно насмешливое отношение было к деревенским бабам, которые пытались учиться в школе. Как вспоминала жена сельского священника, организовавшая воскресную школу, которую посещали две взрослые крестьянки, одна из них, боясь насмешек односельчан, ходила на занятия задними дворами да переулками, другая, более смелая, ходила улицей и получая свою порцию насмешек сполна (10).

В некоторых случаях и крестьяне, и авторы воспоминаний были солидарны в своей реакции на новые веяния жизни. Образцом подобного реагирования можно считать рассуждения о разлагающем воздействии фабричной жизни на нравы сельской молодежи в тех местностях, где развивалось фабричное производство. Это сквернословие, пристрастие к табаку, от которого учитель Барсов так и не убедил никого отказаться; этими вредными привычками были недовольны и деревенские старики (11). В результате здоровье деревенских детей ухудшалось не только от школьных занятий в необорудованных специальной мебелью и полутемных школьных помещениях, но и от вредных привычек. Сообщалось об этом, как о явлении, уже знакомом читающей публике, о культурном значении которого говорилось в негативных тонах большинством тех, кто читал журналы, поэтому, сетуя на падение нравов, автор явно рассчитывал на поддержку и понимание своих читателей и коллег. Более подробное представление о том, какие действия крестьян в сознании учителей попадали под определение «падение нравов», можно составить, представив пример учительского недовольства тем, что деревенская молодежь школе зачастую предпочитали «беседы» и «посиделки» с водкой, блинами, гуляньем по деревне в шальной компании (12). Традиционные формы общения, какими являлись подобные посиделки, под воздействием городской моды претерпевали изменения, но их социальная функция, важная для воспроизводства деревенского мира, оставалась прежней.

Вообще организация школы в деревне предполагала экспансию городских представлений о времени, пространстве и воспитании. Этот процесс можно обнаружить и в том, как учителя видят недостатки жизни крестьян. Один из учителей считал, что крестьяне не умеют правильно распределять время, чтобы его хватало на чтение

книг и занятия детей в школе, особенно зимой, когда крестьянам «нечего делать». Городское время предстает как разбитое на четко обозначенные отрезки, и оно требует от человека умения ими манипулировать. Неумение использовать время подобным способом связывается с крестьянским воспитанием детей. «Спросишь мать, – где твой сын или дочь? Ответ, – а кто его знает. Есть захочет так и сам придет, не до света же он будет носиться». «Кому случалось наблюдать жизнь крестьянских детей, тот не может не заметить, что как только ребенок стал на ноги, о нем уже никто больше не заботится, только оденут его, да обуют кое-как, а зачастую и об этом даже не заботятся», – рассуждал один из сельских учителей (13). Из этих наблюдений, а также столкновения с повсеместной распространенностью подобной практики в деревне делался вывод о том, что крестьянские дети «пропадают» для воспитания, живут бесконтрольно, с возрастом приобретая все новые дурные привычки. Авторы часто даже не задаются вопросом о смысле крестьянского обучения, подозревая, что таковой отсутствует в силу дикости и неразумности крестьян.

Крестьянское воспитание, помимо неразумности, определялось как жестокосердное по отношению к детям. Поводом к такой оценке было не только использование телесных наказаний в практике крестьянского воспитания, но и небрежение по отношению к детям, которые посещали школу, выразившееся, к примеру, в отсутствии обедов для школьников. Когда учительницы Шохор-Троцкая и Унковская решили организовать горячие обеды в своей школе, собирая по 20 копеек с одного ученика в месяц, то сначала столкнулись с непониманием крестьян. Матери учеников говорили учительницам о других родителях той же деревни, когда дело было еще на стадии обсуждения: «Захотят?! Разве такая темень понимает хорошее обращение, да и очень уж вы об них жалитесь. Разве на таких озорников напасешься. Им ведь сколько ни давай, все сожрут» (14). Столовую все-таки открыли, крестьяне даже начали соревноваться по части взносов в кассу столовой для того, чтобы подтвердить свой хозяйственный и социальный статус в деревне. Родители были удивлены действием горячих обедов на состояние их детей. Дети стали возвращаться бодрыми из школы, что удивляло их родителей: «Придут ребята домой словно осоловелые и дохнуть у них силушки нету, а мы то рады – думаем, учење в голову идет». Очевидно, что главным критерием работы для крестьян, по аналогии

с физическим трудом на пашне, считалась усталость; когда же оказалось, что в физическом смысле работа ученика не так утомительна, у крестьян появлялись основания задумываться над тем, что лучше для будущего их детей: упорный физический труд или городская работа?

Помимо школьной столовой учительницы организовали приют для детей из дальних деревень, которые жили в нем в течение учебной недели; в приюте также было предусмотрено питание детей, помимо этого учительницы стремились организовать «разумный» досуг, то есть такой, который считался таковым с позиций либеральной педагогики. В результате в приюте достаточно эффективно вытеснялись крестьянские детские забавы, разучивались игры и песни, рекомендованные в различных педагогических пособиях, стирались междеревенские границы, привычные для крестьянского мира. Учительницы считали, что все эти традиции являются пережитком прошлого и мешают созданию новых более широких общностей людей, нежели община, свойственных индустриальному гражданскому обществу. Крестьяне, по их словам, также отметили перемены происшедшие с детьми: «Ишь вы какие гладкие стали. Как вас в школе-то в вашей нежуть!» Матери говорили: «Очень вы уж ночлежников бережете. Митрюнька просто поздоровел здесь от вашей еды. Я бы его и все держала в ночлежниках». А вся жизнь «ночлежников» казалась детям, ежедневно приходящим в школу, раем.

Естественно, что «райская жизнь» противостояла крестьянской повседневности, и в таком случае могли возникать у крестьян сомнения в пользе обучения, если оно отвратит их детей от крестьянской жизни и работы. И тогда школа без обедов, где дети уставали от недоедания, либо традиционная школа с утомляющей зубрежкой и телесными наказаниями, представляются более адекватными средствами сохранения прежних трудовых предпочтений, крестьянской трудовой этики. В этом смысле показательно отношение крестьян к труду учителя. У педагога И.П. Мордвинова завязалась переписка со своими учениками, на переменах или после занятий дети писали ему письма, а он на них отвечал, задавая вопросы и желая развить навыки изложения учениками своих мыслей (15). На вопрос: «Кто кем хочет быть после школы?» многие ученики ответили, что хотят быть учителем, потому что «без работы жить лучше». Они подразумевали под «работой»

крестьянский труд, считая деятельность учителей и городских «больших чинов» легкой, веселой и беззаботной.

Подсознательный страх перед возможными вредными последствиями новых педагогических техник обучения выражался крестьянами в их неприятии. «Население сначала относилось с недоверием к звуковому методу обучения», – вспоминает учитель В.Е. Шуйский (16). Неодобрительно крестьяне относились и к учебнику со сказками и рассказами о животных, предпочитая религиозные тексты. Непристойным находили и пение детских песен в классе, игры, прогулки учеников с учителем по окрестностям. Смеялись над экскурсиями в другие местности, считая их бесполезным баловством, которое ни к чему их детям, поскольку не способствует обретению навыков необходимых для ведения хозяйства.

1. Максимов Е.Д. Школа жизни // РШ. 1893. № 10. С. 278-310.
2. Сельская воскресная школа // НО. 1902. №7-8. С. 29.
3. Беляев В. Наблюдения и заметки // РНУ. 1892. № 3. Отдел Приложения. С. 20.
4. Н.С. Попечители моей школы // РНУ. 1906. №7-8. Отдел II. С. 175.
5. Мечев Г. Прежде и теперь // НО. 1902. №10. С. 286-290.
6. Дубовенко Г. Воскресные чтения в сельской школе // Мир Божий. 1895. № 2. С. 161-174.
7. О требованиях крестьян к учителю применять физические наказания к детям писали учителя Кузнецов и А. Мощанский. См.: Мощанский А. Из школьной практики // РНУ. 1892. №8-9. Отдел Приложения. С. 96-106.
8. Дубовенко Г. Указ. соч. С. 167.
9. Вересов. Указ. соч. С. 55.
10. Сельская воскресная школа // НО. 1902. №7-8. С. 25-29.
11. Барсов К.А. Указ. соч. С. 50.
12. Н.С. Указ. соч. С. 174-179.
13. С-в. Т.П. К статье учителя Кузнецова «Условия жизни сельской школы и ее учителя» // РНУ. 1882. № 4. Отдел Приложения. С. 183.
14. Шохор-Троцкая Н.С. Столовая для детей при сельской школе имени А. М. Унковского // РШ. 1905. № 5-6. Педагогическая хроника. С. 76-79.
15. Мордвинов И.П. Из жизни сельской школы // РНУ. 1894. №6-7. Отдел приложения. С. 59-67.
16. Шуйский В.Е. Двухклассное училище в селе Устье Кадниковского уезда Вологодской губернии // РНУ. 1906. №10. С. 318-333.

**Ряпусова Д.Н.
(Екатеринбург)**